

Властители и судьи в драме А.С.Пушкина «Борис Годунов»

В пьесе Пушкина суд одних персонажей над другими и завязывает конфликт, и определяет движение сюжета, и является тем магическим кристаллом, сквозь который различается «даль» отечественной истории. История выносит свой приговор усилиям личностей и бездействию народа. И суд, который вершат личности, и «мнение народное», и суд истории представлены у Пушкина силами, определяющими «судьбу человеческую, судьбу народную»... но далеко не совершенными. Активно вторгаются в жизнь со своим суждением и деянием персонажи, отнюдь не безупречные, тогда как личности, которым доверяется роль гласа народной совести, удерживают от слов и дел, разрушительных для жизни. «Мнение народное» обнаруживает себя как «шум» толпы и народное безмолвие. В «шуме» толпы проявляются дикие инстинкты, приводящие к общему «греху», за который приходится расплачиваться. Но к страшным последствиям ведет и уклонение народа от суда, малодушное согласие с преступлением («А как нам знать? То ведают боже, / Не нам чета» - 1, с.273). К ответственному выбору между Добром и Злом, Правдой и Беззаконием люди приходят, когда начинают понимать свою причастность к совершающимся преступлениям и свою вину. Народное безмолвие представлено в пьесе как пробуждение народной совести: народ осознает губительные последствия безропного подчинения неправедным властителям, пассивного принятия неправедного образа действий. Оппозиция правосудие – смирение разрешается у Пушкина путем компромисса: правосудие осуществляется людьми, представляющими земную власть; смирение народа перед властью оправдано до тех пор, пока земные судьи не вынуждают к совершению греха. В пьесе обозначена граница, за которой повинение становится грехом: «Прогневали мы Бога, согрешили...» (с.279).

Важно то, как видится поэту реализация выбора между Добром и Злом. Зло проявляется себя как насилие – «Вязать! Топить!» (с.340), добро – как отказ молиться за неправедного властителя («Нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит» - с. 326). На фоне совета царю об активном действии («Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» - с. 326) это уклонение от молитвы за Ирода выглядит принципиальной позицией. Дистанцирование от греха - то, что могут позволить себе человек и народ, утверждая справедливость, но не уподобляясь насильнику. Уклонись от зла и делай благо – в таких, казалось бы, удаленных от реалий жизни идеях и идеалах, поэт видит то единственное, что не находит опровержения в Истории.

Христианская заповедь неосуждения представлена в драме Пушкина показателем приближения к идеалу. На роль идеального судьи, лишённого личного интереса, наделённого безошибочным знанием Правды, в драме

А.С.Пушкина «Борис Годунов» могли бы претендовать целых три персонажа - носители народной совести. Но Летописец, Патриарх и Юродивый не судят Бориса, как и никого другого. Каждый не выходит за пределы той сферы, в которой ему положено действовать, выполняя свой долг перед Богом («Исполнен долг, завещанный от Бога, / Мне, грешному» - с. 275). Каждый из них чужд самолюбия и своеволия, их труд – «усердный, безымянный» (с.275) – делается не на публику, а для Бога и людей.

Летописец Пимен видит себя свидетелем исторических событий: «Многих лет / Свидетелем Господь меня поставил» (с.275). Как свидетель, а не судья Пимен, не давая воли своим оценкам, «спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева» (с.276). И грядущим «потомкам православных» летописец завещает христианскую позицию смиренного неосуждения:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбину,
Своих царей великих поминуют
За их труды, за славу, за добро, -
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют (с.276)

Отказ от осуждения в христианской этике вовсе не означает нечувствительности к добру и злу. Но нравственная искушенность в различении добра и зла обнаруживается в способности видеть и ненавидеть грех и молиться о спасении грешника, иными словами, в способности рассуждать, а не осуждать. Не обличая, не судя, Пимен свидетельствует о преступлении Бориса и сокрушается о грехе тех (мы!), кто избрал его на царство:

Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли (с.279)

Отмежевывается от роли судьи в мирских делах и Патриарх: «В делах мирских не мудрый судия» (с. 319). Свою задачу он видит в том, чтобы быть «верным богомольцем» за царя и государство. Мудрый суд, как выясняется из слов Патриарха, есть дар свыше земным судьям, которые, как следствие, проникаются «духом милости и кроткого терпенья» и способны по-христиански относиться к грешникам:

Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит (с.319)

При всей наивности рекомендации правителю ждать, пока пройдет заблужденье, слова Патриарха соответствуют той высшей планке человеческих взаимоотношений, которую Пушкин в конце жизни

обозначит как свою главную заслугу перед человечеством: «И милость к падшим призывал».

Миссия обличения возлагается на пророков, юродивых как *послушание*, то есть служба, которую несут, слушая, подчиняясь. Юродивый Николка, отказываясь молиться за Бориса и вынося ему суровый приговор, выступает все же не как судья, а как человек, действующий не по своей воле, обреченный совершать то, что *велят*: «Нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит» (с. 326). Мудрость Юродивого, прозревающего сокровенное в людях, не имеет ничего общего с мудростью царственного судьи Соломона, получившего дар рассуждения. Юродивый не рассуждает, его слова могут показаться безумными («Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» - с. 326), но эти и подобные им слова, ставящие Юродивого вне социальных связей, обнажают безумие действий людей, которые в социум легко вписываются.

Идеальные герои драмы Пушкина лишены потребности судить и равнодушны к тому, как судят их окружающие, не ищут любви людей, являясь слугами Бога. Оценками людей озабочены у Пушкина те, кто обращен к миру с пристрастием, корыстью, завистью или гордыней. «Вот черни суд: ищи ж ее любви» (с. 283), - сетует Борис. «Обо мне как судят в вашем стане?» (с. 329), - интересуется Самозванец. «Не казнь страшна, страшна твоя немилость» (с. 302), уверяет Бориса Шуйский. Привычка к осуждению всех входит в плоть и кровь. Шуйский осуждает чернь («бессмысленная чернь / Изменчива, мятежна, суеверна, / Легко пустой надежде предана, / Мгновенью послушна, / Для истины глуха и равнодушна...» - с. 300), осуждает царя («Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, / Зять палача и сам в душе палач» (с.269). Люди такого типа едва останавливаются перед осуждением Всевышнего: «Кто ведает пути / Всевышнего? Не мне его судить...» (с.320).

У Пушкина каждый герой, независимо от своих нравственных качеств или интеллектуальных способностей, может высказывать верные истины. Суд персонажей «Бориса Годунова» друг над другом характеризуется пронизательностью, меткостью характеристик, но и, как большинство человеческих оценок, односторонностью, безапелляционностью. Это суд без милости и любви, исходом которого нередко является порыв «Вязать! Топить!» и народ «несется толпою» (с. 340). А бывает, что следствием такого суда становится отчуждение: так духовно дистанцируются Борис и народ. И вне зависимости, направлен этот суд на себя (как у Бориса, мучимого совестью) или вовне (как у Бориса, обиженного на чернь), суд выводит из равновесия, разрушает внутреннюю гармонию человека, осуждающего себя или ближних.

Мир героев пушкинской пьесы, значительно более социально и нравственно дифференцированный, чем, скажем, в «Горе от ума», при этом характеризуется несомненной однородностью, скажем более, - единством.

Подлинное единство имеет не эмоциональную или интеллектуальную (как в комедии Грибоедова), а духовную природу. Как проникательно заметил В.С.Непомнящий, «Это общее, что объединяет людей, даже врагов, есть существующий в их сердце и более или менее осознанный идеал правды и любви» [2, с. 303, 304]. И далее: «Бориса с народом объединяет раненая совесть» [2, с. 303, 304].

Идеал, объединяющий пушкинских героев, носит религиозный характер. Они помнят о Боге, и Высшим судом для них является Божий суд: «Твои слова, деянья судят люди, / Намеренья единый видит Бог» (с.303). Осуществленья Божьего суда ждет Борис: «Предчувствую небесный гром и горе...» (с. 283). Божьим гневом объясняет он несчастья дочери: «Я, может быть, прогневал небеса...» (с.296). И дочь и сына он пытается убедить, что они не должны отвечать за его вину: «Безвинная, зачем же ты страдаешь?» (с.296) или «Ты невинен, / Ты царствовать теперь по праву станешь, / Я, я за все один отвечаю Богу...» (с. 335).

И чем сильнее стремление Годунова разделить с Богом прерогативу суда, тем большая расплата ждет его и его близких. За преступление отца отвечают дети, загубленные для воцарения очередного самозванца. И Гришка Отрепьев, восходящий на престол посредством такого же преступления, как его предшественник, тоже «помогает» Богу судить: «И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда» (с. 281), - такими словами оправдывает Самозванец свою авантюру, возлагая на себя миссию мирского суда. «Он шел казнить злодея своего, / Но Божий суд уж поразил Бориса» (с. 339), - резюмирует один из персонажей завершение этой авантюры. Открытый финал пушкинской пьесы не дает читателю увидеть, как слова «И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда» (с. 281) обратятся уже на самого Гришку. Но грозное народное безмолвие в конце пьесы подсказывает, что очередной самозванец не останется неосужденным. О том, что принесет народу завершение очередного этапа судебного действия, повествуется в соответствующих томах «Истории государства Российского» Н.Карамзина, которые явились исходным материалом для драмы Пушкина.

Соответственно религиозному сознанию на преступление способен пойти человек, не знающий страха Божия. В драме о событиях конца XVI – начала XVII вв. Пушкин изображает тот исторический этап, на котором страх Божьего суда еще сохраняет свою значимость в общественном сознании, но уже значительно уступает свои позиции земным соображениям, страху перед земными судьями. Самозванец Бога любит (и боится!) меньше, чем Марину Мнишек, Борис – меньше, чем своих детей. Но каждый из них знает, когда он совершает грех. Герои, поступающие

против совести, позиционируются как люди, пытающиеся обмануть Бога: «Гордыней обуйанный, / Обманывал я Бога и царей» (с. 313).

Пушкинские герои, в отличие от персонажей Грибоедова, способны судить себя. Правда, их духовной силы хватает лишь на сознание собственной греховности. Герои оправдывают свою вину чужим преступлением, как Гришка («Но пусть мой грех падет не на меня, / А на тебя, Борис – цареубийца!» - с. 317), или уверяют себя в собственной безупречности, кроме одного-единственного греха на совести («Но если в ней единое пятно, / Единое, случайно завелось...» - с. 283), как Борис. Малодушная жажда самооправдания делает для них невозможным покаяние, которым единственно очищается запятнанная совесть. Такой ограниченный суд над собой не может вернуть душевное равновесие, не может он и предотвратить дальнейшие преступления.

«Никакая человеческая общность невозможна при отсутствии законности, следовательно, и власти, - вопрос в том, в какой мере законы и власть, ими ведающая, способствуют движению исторического процесса по пути восхождения», - справедливо заметил Б.Бурсов (3, с.426). Пушкин показывает торжество неправедных властителей, сменяющих друг друга, трагическим, но временным фактом истории. Углубление в историю своего народа открыло поэту непреходящую истину: человек и народ имеют силу жить до тех пор, пока в них живо сознание Правды. В потоке меняющихся времен и временщиков просматривается то истинное, незыблемое, чем держится мир и что объединяет все и всех – совесть, боязнь греха, любовь.

Литература

1. Пушкин, А.С. Борис Годунов / А.С.Пушкин // Сочинения. - М.: ГИХЛ, 1954. – С.267 – 342. Далее ссылки на это издание даются в тексте.
2. Непомнящий, В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина / В.С. Непомнящий. - М.: Советский писатель, 1987. – 448 с.
3. Бурсов, Б. Судьба Пушкина: Роман-исследование / Б.Бурсов. - Л.: Советский писатель, 1985. – 512 с.